

Протоіерей **Теодоръ Петровичъ Труневъ**, преподаватель Вологодской духовной семинаріи.

(НЕКРОЛОГЪ).

15 февраля 1896 г., въ концѣ 1 часа дня, въ Вологдѣ скончался послѣ непродолжительной болѣзни преподаватель Вологодской духовной семинаріи протоіерей *Теодоръ Петровичъ Труневъ*, на 50 году своей жизни.

Отецъ протоіерей ~~Теодоръ Петровичъ~~ Труневъ былъ сынъ причетника Тверской епархіи. Родился 26 декабря 1846 г. Высшее образованіе получилъ въ Московской духовной академіи, гдѣ окончилъ курсъ со степенью кандидата богословія въ 1872 г. Въ томъ-же году былъ опредѣленъ преподавателемъ священнаго писанія въ Архангельскую духовную семинарію. Состоялъ членомъ педагогическаго собранія Правленія семинаріи съ 5 декабря 1873 г. по 11 ноября 1882 г. и членомъ распорядительнаго собранія Правленія съ января 1875 г. по 21 октября 1882 г. Рукоположенъ во священника къ Архангельскому кафедральному собору, съ сохраненіемъ преподавательской должности при семинаріи, 28 сентября 1875 г. Исправлялъ должность инспектора семинаріи безмездно съ 1 мая по 12 августа 1879 г. Перемѣщенъ настоятелемъ Архангельскаго Соломбальскаго собора и возведенъ въ санъ протоіерея, съ сохраненіемъ преподавательской должности при семинаріи, 16 февраля 1880 г. Указомъ св. Синода отъ 21 октября 1882 г. опредѣленъ исправляющимъ должность инспектора семинаріи; временно исправлялъ должность ректора семинаріи съ 12 ноября 1882 г. Указомъ св. Синода отъ 29 января 1883 г. опредѣленъ исправляющимъ должность ректора семинаріи; указомъ св. Синода отъ 16 декабря 1886 г. за № 4495 уволенъ отъ должности ректора Архангельской духовной семинаріи при чемъ епархіальному Преосвященному поручено дать ему, Труневу, мѣсто по епархіальному вѣдомству. Будучи преподавателемъ сваш. писанія въ Архангельской семинаріи, преподавалъ еврейскій языкъ съ 1876 г. и временно греческій языкъ

въ I классѣ въ октябрѣ 1873 г. Будучи ректоромъ, временно преподавалъ свящ. писаніе въ разныхъ классахъ семинаріи въ 1883, 1884 и 1885 гг. Состоялъ членомъ Совѣта Архангельскаго женскаго епархіальнаго училища съ 1 августа 1877 г. по 12 августа 1879 г. и предсѣдателемъ онаго Совѣта съ 13 августа 1879 г. по 11 ноября 1882 г. Былъ цензоромъ проповѣдей пригороднаго духовенства съ 13 августа 1879 г. по 11 ноября 1883 г. — Приказомъ Г. Оберъ-Прокурора св. Синода отъ 10 декабря 1887 г. опредѣленъ на должность преподавателя свящ. писанія въ Вологодскую духовную семинарію; резолюцію Преосвященнаго Израила Епископа Вологодскаго и Тотемскаго, согласно прошенію, опредѣленъ 22 апрѣля 1889 г. на священническую вакансію къ Вологодской градской Царе-Константиновской церкви, съ сохраненіемъ преподавательской должности въ семинаріи. Въ Вологодской семинаріи, кромѣ свящ. писанія, преподавалъ съ 1 сентября 1894 г. основное богословіе. Въ III классѣ Вологодскаго женскаго епархіальнаго училища преподавалъ ариметику и физику съ $\frac{27 \text{ авг.}}{2 \text{ сент.}}$ 1888 г. по 22 апрѣля 1889 г. Состоялъ членомъ Правленія Попечительства о бѣдныхъ воспитанникахъ Вологодской духовной семинаріи съ 18 декабря 1894 года. Общимъ собраніемъ членомъ Братства св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова при Архангельской духовной семинаріи 26 сентября 1895 г. избранъ въ почетные члены Братства. Отецъ протоіерей Θεодоръ Петровичъ принималъ ближайшее участіе въ основаніи этого Братства въ 1883 г. и былъ первымъ предсѣдателемъ Совѣта Братства.

За отлично усердную службу отцомъ протоіереемъ Θεодоромъ Петровичемъ Труновымъ были получены слѣдующія награды: 26 мая 1876 г. онъ былъ награжденъ набедренникомъ, 15 апрѣля 1878 г. скуфьею, 20 апрѣля 1880 г. камилавкою, $\frac{15}{20}$ марта 1884 г. наперснымъ золотымъ крестомъ, отъ св. Синода выдаваемымъ, 6 мая 1895 г. Всемиловивѣйше сопричисленъ къ ордену св. Анны 3 степени. За пожертвованіе въ пользу потерпѣвшаго отъ неурожая въ 1873 г. духовенства Самарской епархіи преподано ему благословеніе св. Синода 29 декабря 1874 года.

Перечисленіе должностей, которыя проходилъ отецъ протоіерей Θεодоръ Петровичъ, свидѣтельствуетъ, что дѣятельность его была широка и разнообразна; а перечисленіе полученныхъ имъ наградъ указываетъ, что дѣятельность его была цѣнима начальствомъ и въ то время, когда онъ служилъ ректоромъ Ар-

хангельской семинарии, хотя служить ректоромъ ему пришлось при такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, при которыхъ не легко было сохранить душевное равновѣсіе и не растеряться даже чело-вѣку съ самыми крѣпкими нервами. Достаточно вспомнить, что лишь только отецъ протоіерей въ ноябрѣ 1882 г. переѣхалъ въ семинарскій корпусъ, еще безъ семьи, для исполненія инспекторскихъ обязанностей, какъ въ тотъ-же день скоропостижно скончался ректоръ семинаріи, протоіерей С. Арсеньевъ, и о. Ѳеодоръ Петровичъ долженъ былъ тотчасъ же вступить въ отправленіе обязанностей ректора. Черезъ недѣлю послѣ смерти ректора почти скоропостижно-же скончался экономъ семинаріи Громовъ. Черезъ два мѣсяца послѣ этого, въ январѣ 1883 года, въ семинаріи произошелъ пожаръ, опустошившій почти половину семинарскаго корпуса. На третій день послѣ этого пожара семинарія снова загорѣлась... Въ возникшей при такихъ бѣдствіяхъ путаницѣ въ дѣлахъ не легко было разобраться до глубины души потрясенному и еще не опытному въ должности ректора отцу протоіерею. Однако онъ справился съ дѣлами въ это тяжелое для него время. Въ 1886 году произошелъ крутой поворотъ въ жизни его, вызванный отчасти совершившеюся предъ тѣмъ перемѣною въ Архангельскомъ епархіальномъ управленіи, отчасти измѣнившимся съ уставомъ 1884 года значеніемъ семинарскаго Правленія въ дѣлахъ семинарскихъ, а больше всего крайнею довѣрчивостію отца протоіерея къ людямъ. Отецъ протоіерей былъ прекраснымъ знатокомъ свящ. писанія, отличался простотою въ жизни, прямою и искренностію въ обращеніи съ людьми, задушевностію и готовностію подѣлиться своими знаніями и своею жизненною опытностію со всякимъ, кто обращался къ нему за совѣтомъ.

Здоровье отца протоіерея Ѳеодора Петровича въ общемъ было довольно удовлетворительно до послѣдняго времени. Въ январѣ текущаго года онъ заболѣлъ ревматизмомъ ногъ. Въ понедѣльникъ на второй недѣлѣ великаго поста, 12 февраля, отецъ протоіерей былъ еще на урокахъ въ семинаріи; но уже было замѣтно, что весь организмъ его за послѣднее время крайне истощился. Больной едва переставлялъ ноги отъ ревматизма, такъ что невольно вызывалъ къ себѣ состраданіе сослуживцевъ. Въ среду утромъ, 14 февраля, отецъ протоіерей почувствовалъ тяжкую болѣзнь, оказавшуюся воспаленіемъ брюшины, и эта болѣзнь свела его въ могилу. 15 февраля утромъ надъ больнымъ было совершено ректоромъ семинаріи архимандритомъ Василиемъ вмѣстѣ

съ архимандритомъ Свято-Духова монастыря Наонаиломъ, инспекторомъ семинаріи и другими іереями таинство елеосвященія. Послѣ совершенія сего таинства больной не терялъ сознанія почти до самыхъ послѣднихъ минутъ своей жизни и скончался тихо, какъ будто заснулъ, въ концѣ 1 часа дня того-же 15 февраля. Отецъ протоіерей оставилъ послѣ себя жену, трехъ дочерей и одного сына, учащагося въ 1 классѣ семинаріи. На родинѣ покойнаго находится въ живыхъ еще его мать, потерявшая уже зрѣніе старушка.

Неожиданная смерть отца протоіерей глубоко поразила всѣхъ его знакомыхъ. — Всѣ знавшіе его отнеслись къ его кончинѣ съ искреннимъ прискорбіемъ. Ежедневно въ квартирѣ почившаго совершались панихиды въ 12 часовъ дня и въ 6 часовъ вечера. Кромѣ того, приходившее поклониться усопшему духовенство совершало панихиды и и въ неочередное время. 16 февраля въ квартирѣ почившаго совершенно было всенощное бдѣніе, а 17 февраля въ семинарской церкви совершена была заупокойная литургія въ присутствіи всѣхъ преподавателей и воспитанниковъ семинаріи. Вечеромъ 17 февраля въ квартирѣ почившаго снова было совершено всенощное бдѣніе, послѣ котораго тѣло его было положено во гробъ, при пѣніи канона: „Волною морскою.“ Предъ совершеніемъ всенощнаго бдѣнія и положеніемъ почившаго во гробъ воспитанникомъ VI класса семинаріи П. Дмитревскимъ было сказано нѣсколько прочувствованныхъ словъ. На гробъ почившаго были возложены два металлическихъ вѣнка: отъ сослуживцевъ покойнаго по семинаріи и отъ воспитанниковъ семинаріи. На вѣнкѣ отъ сослуживцевъ была надпись: „честному труженику и доброму товарищу“, а на вѣнкѣ отъ воспитанниковъ: „доброму наставнику отъ признательныхъ питомцевъ.“

18 февраля, въ воскресенье, для выноса тѣла почившаго изъ квартиры въ градскую Царе-Константиновскую церковь, при которой служилъ почившій, прибыли архимандритъ Свято-Духова монастыря Наонаилъ, благочинный градскихъ церквей К. Садоковъ и другіе іереи. Гробъ почившаго перенесенъ былъ въ церковь въ сопровожденіи семьи покойнаго, преподавателей и воспитанниковъ семинаріи, прихожанъ и многихъ стороннихъ лицъ. По пережесеніи усопшаго въ Царе-Константиновскую церковь началось здѣсь совершеніе литургіи, за которою слѣдовало отпѣваніе почившаго. Божественную литургію и отпѣваніе совершилъ, къ великому утѣшенію семьи покойнаго и всей семинарской корпораціи, Преосвященнѣйшій Алексій Епископъ Вологодскій и Тотемскій, въ сослуженіи архимандрита Наонаила, кафедральнаго

протоіерея Николая Евграфовича Якубова и многочисленнаго семинарскаго и городскаго духовенства. Во время причащеннаго инспекторомъ семинаріи, священникомъ Петромъ Успенскимъ произнесено было поученіе, (*) а послѣ него, во время причащеннаго же, преподавателемъ семинаріи Алексѣемъ Лебедевымъ произнесена рѣчь. По совершеніи литургіи предъ отпѣваніемъ предъ гробомъ почившаго произнесена была рѣчь преподавателемъ семинаріи Евлампіемъ Бурцевымъ. Въ церкви во время литургіи и отпѣванія такъ было много народа, что при отпѣваніи свѣчи въ рукахъ молящихся рѣшительно отказывались горѣть. Свѣтлый иконостасъ Царе-Константиновской нижней церкви, торжественное служеніе Преосвященнѣйшаго Владыки, стройное пѣніе хоромъ архіерейскихъ пѣвчихъ дивнаго канона: „Волною морскою“, большое стеченіе народа, преимущественно учащихъ, учащихъ и другихъ служащихъ, глубоко трогали души молящихся. При послѣднемъ цѣлованіи усопшему была произнесена рѣчь воспитанникомъ VI класса семинаріи Петромъ Дмитревскимъ. Съ преднесеніемъ св. креста и хоругвей, съ пѣніемъ канона: „Помощникъ и покровитель“, при звонѣ колоколовъ находившихся на пути слѣдованія погребальной процессіи церковей и при громадномъ стеченіи народа тѣло усопшаго перенесено было въ ограду Свято-Духова монастыря, гдѣ и предано землѣ. Предъ опусканіемъ гроба въ могилу была произнесена рѣчь воспитанникомъ VI класса семинаріи Алексѣемъ Дьяковымъ.

Преподаватели Архангельской духовной семинаріи выразили супругѣ скончавшагося отца протоіерея свое соболѣзнованіе въ постигшемъ ея горѣ слѣдующею телеграммой: „Бывшіе ученики и сослуживцы Θεодора Петровича молятся о упокоеніи его души и глубоко соболѣзнуютъ Вамъ съ семействомъ.—Сибирцевы, Ежовы, Черепановъ, Утретскій, Поповъ, Обновленскій.“ Супругою почившаго отца протоіерея получены также телеграммы съ выраженіемъ глубокаго сочувствія ей въ горѣ изъ С.-Петербурга отъ священника Андрея Кононова, изъ Сергіева Посада отъ студентовъ Московской академіи Арановича и Лобанова и изъ Череповца отъ г. Синицына.

Миръ праху твоему, добрый человекъ!

Преподаватель Евл. Бурцевъ.

(*) Поученіе и произнесенныя послѣ него рѣчи помѣщаются ниже.

П О У Ч Е Н І Е

при гробѣ преподавателя Вологодской Семикаріи Протоіерея
 Ѳ. П. Трунева. (*)

*Якоже Отець воскрешаетъ мертвыя и
 живитъ; такожде и сынъ, ихже хоцетъ
 живитъ (Іоан. V, 21)....*

Но вотъ, бр., предъ нами тяжелое зрѣлище смерти!. Предъ нами *пепелъ и прахъ*, **) предъ нами смертные останки того, который самъ въ теченіе многихъ лѣтъ своей жизни возвѣщалъ и въ школѣ духовному юношеству, и въ церкви ввѣренной ему отъ Бога паствѣ сіи отраднѣйшіе для сердца человѣческаго глаголы св. Евангелія. Гдѣ-же то живительное дѣйствіе Сына? Гдѣ блаженное исполненіе тѣхъ Евангельскихъ словъ? Гдѣ осуществленіе того небеснаго благовѣстія? Гдѣ знакъ и свидѣтельство того, что всякое слово Божіе живо и дѣйственно и не можетъ остаться безъ соотвѣтственнаго исполненія?... Или *не хоцетъ* Господь живить сего служителя Своихъ Тайнствъ, рукою смерти такъ неожиданно для всѣхъ насъ изъятаго изъ нашей среды? но ужели Единородный Сынъ Божій, въ Которомъ всецѣло почиваетъ Отчая Божественная Любовь, *не хоцетъ* возвести къ жизни сего почившаго служителя Своего даже и ради горькихъ слезъ и безутѣшныхъ стенаній, которыя слышатся у его гроба отъ лица его осиротѣвшей семьи? Неужели *не хоцетъ* Господь возвратить его къ жизни и ради тѣхъ неустанныхъ молитвъ и искренней, неподдѣльной любви, съ которыми обстоятъ гробъ его въ большомъ множествѣ его сослужители! Ужели бессильна молитва и сихъ многочисленныхъ юношей возвратить къ жизни, по слову Единороднаго Сына Божія, своего любимаго старца—наставника? Увы! безмолвныя уста почившаго ясно свидѣлствуютъ, что именно *не хоцетъ* Господь снова даровать его намъ къ нашему общему и взаимному утѣшенію, *не хоцетъ* возвратить его къ мірской суетѣ, *не хоцетъ* разрѣшить узы смерти; ибо и самая смерть, столь страшная и мрачная по своимъ внѣшнимъ проявленіямъ, при размысленіи о путяхъ правящей нашею жизнію Премудрости Божіей, является для человѣка событіемъ желаннымъ, является, по выраженію Св. Апостола, *приобрѣтеніемъ* (Филип. I, 21). Преклонимся, бр., предъ неисповѣдимую Премудростію Божіей, и смиренно войдемъ въ размысленіе о судьбахъ жизни

*) Произнесено во время причастаня.

**) 7-й икосъ канона на погребеніе священниковъ.

почившаго, дабы уяснить себѣ, что хотя *пробываніе его во плоти и нужнѣйше* во многихъ отношеніяхъ для насъ (Филип. I, 24), но *пробываніе его со Христомъ много паче лучше* есть, (Филип. I, 23) и потому смерть для него есть воистину пріобрѣтеніе.

Лѣта жизни его, по сравненію съ другими людьми, были весьма немногочисленны и далеко недостигли предѣла жизни многихъ изъ предковъ его; однако онъ могъ бы сказать о нихъ вмѣстѣ съ патриархомъ Іаковомъ, что они, при немногочисленности своей, были и *злы* (Быт. XLVІІ, 9). Вся жизнь его, по личному и собственному его признанію, была цѣлымъ рядомъ испытаній, скорбей и лишеній. Не будетъ преувеличеніемъ и отступленіемъ отъ правды, если мы сравнимъ ее сначала съ постепенно возвышающейя и затѣмъ постепенно ниспадающей морской волной. Происходя изъ бѣдной среды сельскаго духовенства, онъ еще въ дѣтствѣ узналъ опытно всѣ труды и лишенія, обычные въ этомъ званіи. За тѣмъ послѣдовательно пережитый имъ много-лѣтній періодъ школьнаго образованія хорошо извѣстенъ многимъ изъ здѣсь предстоящихъ, со всѣми его заботами, горестями и тревогами. Далѣе Промыслъ Божій возводитъ его на высокую степень учителя духовнаго юношества въ одной изъ отдаленныхъ окраинъ нашего отечества, облакаетъ его здѣсь благодатнымъ саномъ священства и, при открывшихся въ немъ здѣсь начальственныхъ дарованіяхъ, постепенно возвышаетъ его до почетнаго званія начальника средняго духовно-учебнаго заведенія, дающаго воспитаніе и образованіе будущимъ пастырямъ и служителямъ церкви. Съ любовію принимаетъ онъ отъ Бога этотъ призывъ къ общественному служенію, со всею силою воодушевленія берется онъ за исполненіе своихъ новыхъ высокихъ обязанностей, въ простотѣ сердца, *съ полнымъ тщаніемъ и добрымъ изволеніемъ* (Рим. XII, 8). Но простота и незлобіе души его не всѣми окружающими его поняты были по надлежащему; нѣкоторые злоупотребили его довѣріемъ, и почившему судилъ Господь понести на себѣ грѣхи и немощи другихъ, и отъ начальственнаго положенія перейти опять къ простому учительству въ школѣ. Понять всю тяжесть сего труднаго положенія могутъ лишь тѣ, которые способны входить въ состоянія души своего ближняго и не судить о нихъ лишь по однимъ вѣдшимъ проявленіямъ. Вновь дарованное званіе учителя судилъ Господь проходить почившему уже на новомъ мѣстѣ въ нашемъ богоспасаемомъ градѣ. Восемь лѣтъ тому назадъ почившій явился среди насъ смиреннымъ учителемъ Божественнаго писанія. Не всѣ, ко-

нечно, и здѣсь встрѣтили появленіе его и особенно въ первое время, съ должнымъ христіанскимъ братолюбіемъ и довѣріемъ, и только постепенно для людей окружающихъ сдѣлались ясными высокія качества души его — простота и незлобіе, въ силу которыхъ душа его всегда была открыта для всѣхъ и онъ могъ быть другомъ каждаго, кто только входилъ съ нимъ въ болѣе или менѣе постоянное и живое общеніе. Этими качествами своей души и теперь, любезный сослужитель нашъ и собратъ, глубоко уязвляешь ты наши сердца; всѣ чувствуемъ мы, что въ лицѣ твоёмъ мы лишились добраго и незамѣнимаго друга. Но здѣсь же заключается и разгадка того, почему Господь, при всей нашей любви къ тебѣ, не хочетъ, дабы ты оставался съ нами въ живомъ и тѣлесномъ общеніи. Вѣруемъ и уповаемъ, что ты созрѣлъ уже для царствія Божія, ибо кротость и смиреніе въ душѣ человѣка особенно драгоцѣнны предъ Богомъ (1 Петр. III, 4). Да исполнится на тебѣ слово Божественнаго Судіи: *всякъ смиряяй себе вознесетя* (Лук. XVIII, 14) Аминь.

Священникъ *Петръ Успенскій.*

Р Ъ Ч Ъ

передъ гробомъ преподавателя семинаріи, о. протоіерея
Феодора Трунева (*).

Добрые сослуживцы и питомцы!

Опять гробъ! опять могила! опять скорбь и сѣтованіе! Довно-ли, кажется, мы оплакивали грустную кончину нашего начальника?! Еще свѣжа та могила! Еще живо то грустное впечатлѣніе! Кто же теперь изъземлется изъ среди нашей? кто теперь шествуетъ въ ту же незнаемую страну, въ безвозвратный свой путь? Это нашъ добрый и почтенный сослуживецъ, а вашъ, юнѣши, уважаемый наставникъ, нашъ общій о. протоіерей! это его мы нынѣ видимъ бездыханно лежащимъ во гробѣ! Чтоже?! Развѣ дни лѣтъ его исполнились?! пришли въ *трудъ и болѣзнь*? *развѣ дланіе его* окончилось?! Развѣ устроились его домашнія дѣла?! О, нѣтъ! Стоящая окрестъ гроба его, горько плачущая семья, среди которой еще слышится дѣтскій безсвязный лепетъ, свидѣтельствуетъ о безвременномъ его отшествіи.. Невовремя безжалостная смерть скосила его! О дружѣ *оставилъ еси вся любящія тя!* оставилъ по-другу двой своихъ и любимыхъ чадъ; рушилась опора для всѣхъ

*) Произнесена во время причастія.

ихъ; не стало поильца и кормильца! Покинулъ ты и свою малую паству, и своихъ сослуживцевъ, съ которыми ты любилъ раздѣлять время въ бесѣдѣ. И какъ это скоро случилось?! Не вчера ли ты былъ съ нами?! не вчера ли ты съ нами бесѣдовалъ?! не вмѣстѣ ли съ тобою мы начали подвиги на поприщѣ поста?! Ты явился къ намъ на одинъ день какъ будто бы для того, чтобы проститься и съ своими сослуживцами, и со своими питомцами, и съ самымъ мѣстомъ твоего земнаго служенія. Замѣтно было намъ, что ты немощенъ былъ; какой-то злой недугъ владѣлъ тобою.... но, мы думали, не всякая болѣзнь къ смерти; ты проработалъ весь день съ нами, а чрезъ два дня, къ общему нашему изумленію, возлегъ на смертный одръ... По нашимъ соображеніямъ, не приспѣло тебѣ еще время удаляться изъ многмятежнаго моря житія, ты еще не кончилъ расчетовъ съ печалями вѣка сего, не устроилъ своей семьи, не окончилъ своей служебной дѣятельности; тебѣ еще предстояло не мало трудовъ. Но не такова воля Божія о тебѣ! единымъ мгновеніемъ *prinde часъ твой*... и ты среди заботъ и тяжелыхъ думъ о своей семьѣ внезапно восхищенъ изъ среды нашей! Быстро летитъ извѣстіе о твоей мирной хр. кончинѣ, напутствованной св. таинствами; невольно слагается рука въ крестное знаменіе, и незримо несется тихая молитва о твоёмъ упокоеніи... Съ сокрушеннымъ духомъ стекаются къ твоему гробу и твои сослуживцы, и твои питомцы, и твои духовныя чада, и твои друзи и знаеміи; всѣхъ влечетъ къ тебѣ добрая память, которую ты оставилъ въ сердцахъ ихъ; томящая всѣхъ скорбь изливается въ горячей молитвѣ. Вотъ, наконецъ, и всѣ мы вкушъ стеклись отдать тебѣ послѣдній долгъ — брвенное тѣло проводить въ темную могилу, а твоему духу предуготовать благоприятный путь къ престолу небесному общєю молитвою. Въ послѣдній разъ окружая твой гробъ, грустными думамъ мы предаемся.. Пришлецъ ты былъ во странѣ нашей. Вся жизнь твоя была странствіемъ и тяжелымъ крестомъ, волею Провидѣнія на дальнемъ сѣверѣ ты проводишь большую часть своей служебной дѣятельности и лишь подъ конецъ являешься въ нашъ вертоградъ духовный. Предносятся нашему взору тѣ лишенія, огорченія и тяготы, какія тебѣ приводилось испытать какъ страннику, и притомъ обремененному семьей... страдалъ ты самъ.... но еще глубже иснускалъ вздохи за своихъ присныхъ. Еще ниже склонялось твое чело, и тяжелѣе отпечатлѣвались на твоёмъ лицѣ волнующія тебя думы... Юность и доброта не стоятъ; а тебѣ ли, удрученному ^{роковыми} ~~роковыми~~ ^{исполненіями} ~~исполненіями~~, было устоять

противъ злого недуга... Но не будемъ терзать твое сердце тяжелыми воспоминаніями!... Довольно! о жизни поконченъ вопросъ! Смерть разрѣшаетъ всякую печаль. Теперь иныя мысли и думы тѣснятся въ наше сердце. Все бывшее иначе представляется... Невзгоды житейскія!... да зачѣмъ ими тяготиться?! не есть ли это цѣлительный бальзамъ для нашей грѣховной души?! не есть ли это горнило для очищенія нашего духа?! Не есть ли это водительство промышляющаго о насъ Благаго Бога, Который, *имижь отъ судьбами*, спасаетъ человѣка?! О, Господи Боже нашъ! *что есть человекъ, яко помниши его, или сынъ человекъ, яко посѣщаеши его?* Не печалиться при твоёмъ гробѣ долѣетъ, а ободриться, укрѣпиться духомъ и возблагодарить Творца и Промыслителя, что не забылъ онъ тебя и велъ по пути спасенія, искушая твой духъ въ горнилѣ бѣдствій. Не вознаграждается ли всегда большею сладостію чаша искушеній, чѣмъ горше она бываетъ?! И ты, осиротѣлая семья, не плачь, а возложи всю свою надежду на Бога! Самъ почившій вашъ доброхотъ не одобритъ вашей безотрадной тоски. Какъ часто глашадъ онъ своимъ питомцамъ въ школѣ слова вѣчной истины; такъ и теперь не раздаются ли изъ его устъ утѣшительныя и отрадныя св. слова: *что мене рыдаете люте? почти все мятетеся? смерть бо есть всемъ упокоеніе... возверзите печаль вашу на Господа и той васъ препитаетъ... послетъ вамъ помощь отъ святаго и дастъ по сердцу вашему... исполнитъ вся прошенія ваша, сиру и вдову Господь приметъ...* Послѣ этого ли непреложнаго и блаженнаго гласа смущаться и падать духомъ на житейскомъ пути, усѣянномъ всюду и всегда терніемъ?! оглянитесь съмо и овамо, и увидите: *кая житейская сладость пребываетъ печали непричастна! кая слава стоитъ на землѣ непреложна!* Всемогущій Господь, по волѣ Котораго постигло васъ горе, не попуститъ вамъ *искуситься паче, еже можете!* Свою скорбь и грусть соединяйте съ молитвой; тогда и въ самой грусти вы найдете себѣ утѣшеніе и вашъ духъ озарится, узритъ десницу Владычню, помогающую вамъ свыше, изцѣляющую болѣзнь сердецъ вашихъ, исполняющую во благихъ желаніяхъ вашихъ, и возвеселится о Господѣ! Добрый сослуживецъ! немало времени мы трудились на одной нивѣ, достаточно узнали и оцѣнили твое миролюбіе, благодушіе и доброе твое сердце; свидѣтельствуемъ своею совѣстію, что не встрѣчали отъ тебя никакой обиды и оскорбленія; это нѣ въ твоёмъ было характерѣ.. твою только любовь къ намъ поминаемъ днесь, предавая гробу брѣніе твое. Напротивъ,

прости насъ, если съ нашей стороны было что либо стропотное по отношенію къ тебѣ, въ дѣлахъ ли, словахъ, или даже помышленіяхъ.. Для тебя рушилась преграда брэннаго тѣла, и твой духъ чуждый нынѣ тѣлесныхъ оковъ, можетъ быть, яснѣе видитъ ваши души, которыя, забывъ все минувшее, соединились въ одной искренней любви къ тебѣ; взгляни любовно и на сіи внѣшнія выраженія преданности къ тебѣ и со стороны сослуживцевъ, и со стороны питомцевъ твоихъ, на эти тлѣнные вѣнки, которые сплела наша общая любовь къ тебѣ... Разлучаясь тѣломъ навѣки прими отъ всѣхъ прощальный привѣтъ, и отъ своей любящей семьи, и отъ твоихъ сослуживцевъ, и отъ твоихъ питомцевъ, и отъ твоей духовной паствы, и гряди съ спокойнымъ духомъ въ свой путь; а мы, соединясь всѣ въ единоклюшную молитву, потщимся сопутствовать твоему духу и споспѣшествовать ему дать *добрый отвѣтъ на страшнѣмъ судищи Христовѣ.*

Преподаватель семинаріи

Алексѣй Лебедевъ.

Р ѣ ч ь

предъ отпѣваніемъ отца протоіерея Θεодора Петровича Трунева, преподавателя Вологодской духовной семинаріи.

Блаженіи нищій духомъ: яко тѣхъ есть царствіе небесное Мѡ. V, 3.

Незабвенный отецъ протоіерей Θεодоръ Петровичъ, сослуживецъ и дорогой бывшій мой отецъ ректоръ! Помини, рассказывая о многострадальной своей жизни, о многихъ скорбяхъ, постигавшихъ тебя нерѣдко неожиданно—негаданно, ты не разъ говорилъ, что жизнь твоя текла не такъ, какъ идетъ жизнь другихъ людей, и что тебѣ, вѣроятно, и умереть придется какъ нибудь особенно. И что же? Сбылось твое предчувствіе. Ты умеръ такъ, какъ рѣдко умираютъ люди. Кончина твоя была необычайно быстрая, никѣмъ не предвидѣнная. Только однѣ сутки съ нѣсколькими часами болѣлъ-ты. Сдѣлавшись боленъ, ты ни разу не сомкнулъ своихъ глазъ, пока не закрылись они на вѣки. Никого ты не натрудилъ уходомъ за больнымъ своимъ тѣломъ предъ смертью, никому не наскучилъ и никому не досадилъ жалобами на свои немощи, какъ никому ты не досаждалъ и въ жизни своей. Былъ тихъ твой послѣдній вздохъ, какъ тиха и кротка была душа твоя.

А жизнь твоя была и трогательна, и глубоко поучительна. Что такое жизнь твоя, как не одно непрерывное страданіе? Сынъ причетника Тверской епархіи, съ юныхъ лѣтъ ты спознался съ нуждой горькою, съ тяжелыми лишеніями. Получивъ образованіе въ Тверской семинаріи и Московской академіи, ты былъ опредѣленъ на службу въ Архангельскую духовную семинарію. Десять лѣтъ прослужилъ ты въ Архангельскѣ сначала преподавателемъ семинаріи, а потомъ преподавателемъ семинаріи и вмѣстѣ протоіереемъ Архангельскаго Соломбальскаго собора. Четыре года тамъ же служилъ ректоромъ семинаріи. Наконецъ, болѣе восьми лѣтъ былъ преподавателемъ Вологодской семинаріи. За двадцать два года своей служебной дѣятельности не мало пришлось пережить тебѣ самыхъ тяжелыхъ испытаній. Сколько мученій, самыхъ жгучихъ оскорбленій и униженій ты перенесъ! Обласканные тобою люди нерѣдко отвѣчали тебѣ черною неблагодарностью. За добро твое платили тебѣ зломъ. Злые безсердечные и себялюбивые люди твое честное имя таскали по торжищамъ, купали его въ грязи и въ такомъ видѣ показывали его тѣмъ, которые не знали тебя. Сколько ты злой клеветы потерпѣлъ! Знакомо тебѣ было чувство обиженныхъ, чувство униженныхъ.

За что же ты вынесъ всю эту пытку, всю эту тяжкую нравственную муку? Почему же жизнь твоя была такъ переполнена горечью и такъ преждевременно привела тебя къ домовищу? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, ты не заслуживалъ большаго счастья, чѣмъ то, которое досталось тебѣ на твоемъ жизненномъ пути? Служилъ ты честно. Преподавая священное писаніе въ первые десять лѣтъ своей службы въ Архангельскѣ, ты неустанно трудился, приобрѣтая большія познанія для большаго просвѣщенія своихъ учениковъ. Самъ ты говаривалъ, что тогда ты нерѣдко просиживалъ за научными занятіями до 4-хъ часовъ за полночь. И ревизорскіе отчеты, и твои сослуживцы, и твои ученики одинаково говорили объ основательности и замѣчательной обширности твоихъ познаній въ области своей науки и объ умѣннѣ передать свои познанія. Былъ ты ректоромъ Архангельской семинаріи. Богъ привелъ мнѣ начать свою службу въ той же семинаріи подъ твоимъ начальствомъ. Хорошо помнится время твоего ректорства... Чему ты училъ тогда насъ, своихъ подчиненныхъ? Какой примѣръ ты намъ подавалъ? Помню то впечатлѣніе, какое ты произвелъ на меня, когда я въ первый разъ вступилъ въ Архангельскую семинарію и представился тебѣ, какъ своему начальнику. Выйдя отъ тебя, на вопросъ одного зна-

комаго: „какъ понравился ректоръ“? я сказалъ: „да онъ словно сельскій батюшка—такой простой, душевный, радушный“... И въ послѣдствіи имѣлъ я полную возможность убѣдиться, что душевная простота, правдивость, искренность и радушіе лежали въ основѣ всѣхъ твоихъ отношеній къ людямъ. Не любилъ ты самъ одѣваться въ дорогія платья, и другихъ не по платью встрѣчалъ. Въ обращеніи со старшими, съ равными, съ подчиненными, даже съ дѣтьми ты былъ въ существѣ дѣла одинаковъ, во всѣхъ одинаково цѣня христіанскую душу. Помнится мнѣ замѣчаніе, сдѣланное тобою одному изъ подчиненныхъ, глубоко запавшее въ мою душу: „не семинарія намъ должна служить, а мы должны служить семинаріи“. Этой истинѣ, новидимому простой и очевидной, но часто забываемой на практикѣ, ты никогда не забывалъ самъ и желалъ, чтобы всѣ подчиненные твои имѣли ее руководящимъ началомъ въ своей дѣятельности. А сколько труда ты понесъ по разнымъ стороннимъ для ректора занятіямъ, поручавшимся отъ начальства! Служилъ ты честно, безъ корысти и безъ лжи. Даже твои враги никогда не могли обвинить тебя въ какомъ либо малѣйшемъ нечестномъ поступкѣ. Итакъ, служа въ Архангельскѣ, ты училъ насъ любви къ труду, къ правдѣ, къ людямъ училъ насъ служить своему долгу честно.—Затѣмъ слѣдуютъ восемь лѣтъ твоей службы въ Вологдѣ.... Но что говорить объ этихъ восьми годахъ непрерывнаго тяжелаго труда, при надорванныхъ силахъ, среди людей, мало знавшихъ тебя съ наилучшихъ сторонъ твоей прошлой жизни и дѣятельности? Только Богъ одинъ вѣдаетъ всѣ тѣ скорби, которыя ты вынесъ здѣсь.

Добру ты училъ своихъ подчиненныхъ и самъ честно служилъ. Почему же жизнь заставила тебя идти путемъ тернистымъ отъ самой колыбели и до гробовой доски? Потому, что, будучи малъ, ты былъ бѣденъ по бѣдности отца своего, а, сдѣлавшись большимъ, ты сталъ нищій духомъ въ христіанскомъ смыслѣ этого выраженія. Глубоко и искренно вѣрующій, ты былъ чуждъ всего того, что могло напоминать лицемѣріе въ дѣлахъ вѣры. Глубокимъ смиреніемъ было проникнуто все твое существо. Сколько горя видѣлъ ты въ жизни своей, по безропотно несъ тяжкій крестъ своей жизни. Сколько нравственной муки причиняли тебѣ разные люди, то по злобѣ, то по недомыслию своему, но ты никогда никому не мстилъ, не безславилъ враговъ своихъ, всѣмъ и все прощалъ. Выпадавшія на твою долю радости съ какимъ благодаріемъ ты принималъ! Близость къ природѣ въ ея безыскусственной простотѣ доставляла тебѣ наибольшую отраду. Съ дѣтски

простою и чистою душой, ты и во всѣхъ людяхъ предполагалъ такую же чистоту и прясоту души. Но твоя искренность, твое смиреніе, твое незлобіе и всепрощеніе, эта христіанская духовная нищета твоя и была источникомъ твоихъ жизненныхъ горестей. Твоя вѣра въ людей, твоя почти дѣтская довѣрчивость, которою нерѣдко злоупотребляли и други и недруги твои, была причиною твоихъ несчастій. Но, довольно! Готовясь предстать предъ всеблагимъ Судіею, ты всѣмъ и все простилъ и самъ просилъ у всѣхъ прощенія. Много ты пострадалъ, но страданія твои были не безъ воли обо всемъ промышляющаго Бога и для блага души твоей.

За полчаса до своей ковчины ты сказалъ, что ты хочешь отдохнуть. . И вотъ теперь ты нашелъ желанный отдыхъ для изболѣвшей души своей. Сномъ вѣчнымъ могъ ты спокойно заснуть. Умолкнуть злословившіе тебя люди, и имя твое сохранится въ памяти знавшихъ тебя людей чистымъ, какъ свѣтлый солнечный лучъ. Добрымъ словомъ и молитвою предъ Господомъ помянуть тебя многіе не только въ Вологодской епархіи, но и въ Архангельской, и въ Архангельской еще больше, чѣмъ въ Вологодской, ибо тамъ протекла большая и лучшая часть твоей служебной дѣятельности. Правда, ты оставилъ здѣсь не малую семью въ которой есть еще дитя, способное съ улыбкою играть кистями твоего гроба; но Богъ и царь не оставятъ твоей семьи. Могъ ты спокойно, оставивъ сей міръ перейти въ міръ новый, небесный. У твоего гроба слышались слова роднаго тебѣ человѣка: „ужели ты и въ будущей жизни будешь такъ же мучиться, какъ мучился въ здѣшней“? О, нѣтъ! За твои земныя страданія Господь проститъ твои вольныя и невольныя согрѣшенія; ибо Онъ самъ сказалъ: блажени нищія духомъ: яко тѣхъ есть царствіе небесное. Прости же благородный и честный человѣкъ!

Преподаватель семинаріи *Евл. Бурицевъ.*

Рѣчь при гробѣ преподавателя Семинаріи, протоіерея Теодора Трунева. *)

Не на радость собралъ ты насъ, дорогой наставникъ! Еще недавно былъ ты съ нами, еще недавно слышали мы твою назидательную бесѣду, а теперь лежишь ты безгласенъ, бездыханенъ, уснулъ сномъ смертнымъ... Грустно, не вырази-мо грустно видѣть тебя во гробѣ, тебя, который еще долженъ

*) Произнесена при послѣднемъ цѣлованіи усопшему.

бы жить и служить на пользу ближних! Кто думалъ, видя тебя въ послѣдній разъ на урокахъ въ семинаріи, что черезъ два дня послѣ того твои уста сомкнутся навсегда? Кто думалъ что такъ скоро намъ придется присутствовать не на твоихъ урокахъ, а на твоёмъ погребеніи и слушать не твое горячее, простое объясненіе, а печальное, погребальное пѣніе!... Видя это, невольно скажешь: на то воля Божія! Да, Онъ хочетъ всѣмъ счастья и блага. Онъ и тебя, дорогой наставникъ, взялъ къ себѣ, потому что Онъ любитъ своихъ служителей и исполнителей Его воли. А твоя, убѣленная сѣдинами голова, твое лицо, покрытое морщинами, свидѣтельствуютъ о твоёмъ ревностномъ служеніи на пользу ближнихъ, о твоихъ работахъ и огорченіяхъ, понесенныхъ здѣсь. И эти твои ученики, пришедшіе отдать послѣдній долгъ своему любимому наставнику засвидѣлствуютъ свою любовь къ тебѣ и твоей памяти, любовь ихъ будетъ сопровождать тебя за гробъ и выразится въ горячей молитвѣ ко престолу Царя Царей о твоёмъ вѣчномъ упокоеніи.

И въ природѣ солнце восходитъ и заходитъ, ночь смѣняетъ день; время уходитъ въ вѣчность; вещи отживаютъ и уступаютъ мѣсто другимъ. Вотъ и ты, нашъ добрый наставникъ, ушелъ въ вѣчность, прекратилъ свое земное существованіе. Но въ природѣ солнце заходитъ и не оставляетъ послѣ себя памяти, день идетъ за днемъ и забывается. Не такъ ушелъ ты, не безслѣдно прекратилъ ты свое земное существованіе. Ты ушелъ отъ насъ и не возвратишься; но память о тебѣ останется. Всегда съ любовью вспомнятъ тебя твои ученики. Ты ушелъ; но твой честный, прямой, безъ хитрости, обмана и лести, обликъ глубоко запечатлѣлся въ умахъ и сердцахъ нашихъ. Ты ушелъ; но мы всегда будемъ вспоминать твою горячую рѣчь, твои простыя, понятныя и глубоко благочестивыя объясненія.

Памятны будутъ для насъ твои уроки, потому что они легко открывали нашимъ молодымъ умамъ непонятный иногда смыслъ Свящ. Писанія. Еще долго твой свѣтлый обликъ будетъ привлекать къ себѣ сердца твоихъ учениковъ. Вотъ и теперь, окружая гробъ твой, мы грустимъ, печалимся, что потеряли столь дорогаго наставника. О, какъ хотѣли-бы мы хотя еще разъ слышать твой голосъ, твою рѣчь, увидать тебя бодрымъ и веселымъ? Но нѣтъ! Не всанешь ты болѣе и не скажешь намъ ни слова. Но если бы ты могъ говорить, то теперь навѣрно сказалъ бы: не печальтесь за меня, а молитесь, теперь мнѣ нужна только ваша молитва. Молитесь же о моей грѣшной душѣ. Вотъ только чего я прошу у васъ. Это твой послѣдній завѣтъ, твое завѣщаніе.

И мы твои питомцы, свято выполнимъ твоё завѣщаніе. Всегда будемъ молить Господа о дарованіи тебѣ за гробомъ царства небснаго. Да упокоитъ Онъ. Всемогущій и Милостивый, душу твою въ мѣстѣ покойнѣ, идѣже вси праведніи упокоются; покойся же, добрый наставникъ, сномъ праведника! Спи тихо до радостнаго возстанія! Прощай и прости насъ, дорогой нашъ ваставникъ! Аминь. Воспитанникъ VI кл. сем. П. *Дмитревскій*.

Рѣчь на могилѣ, при опусканіи тѣла отца протоіерея Феодора Трунева.

Въ послѣдній разъ мы собрались предъ тобою, дорогой наставникъ нашъ и учитель! Но при какихъ обстоятельствахъ?! Не на кафедрѣ мы тебя видимъ, а въ гробѣ, не объясняющимъ Св. Писаніе, не бесѣдующимъ съ нами любвеобильно, такимъ не увидаемъ мы тебя болѣе. Мы видимъ тебя лежащимъ безмолвно, сомкнувшимъ уста свои на вѣки!

Но слышимъ болѣе тебя и не услышимъ! Да, исполняется и на тебѣ слово Всемогущаго, изреченное Адаму: *смертію умерши*; исполняется и будетъ исполняться, и лютая смерть уносить и будетъ уносить въ могилу тѣхъ, которымъ, по нашему человѣческому мудрованію, долго бы еще нужно жить, проливая свѣтъ на окружающее, — жить на радость и счастье близкихъ къ нему! Но такова воля всемогущаго Бога! *О, съ Бозь почившій наставникъ нашъ и учитель!* Всѣмъ жаль тебя — всѣмъ, кто зналъ тебя! Мы же почти шесть лѣтъ учились у тебя по такому дорогому предмету, какъ Св. Писаніе! Знали всѣ мы твой кроткій характеръ. Удивляла и илѣняла насъ твоя простота въ обращеніи съ нами, возрастающими въ пониманіи слова Божія подъ твоимъ непосредственнымъ руководствомъ.

Видя искренность твоего желанія сообщить намъ разумнѣе слова Божія, слыша твои непрестанныя увѣщанія читать Библию, видя всѣ труды и старанія твои, — всѣмъ этимъ сами поощрялись мы къ труду. Въ продолженіе этихъ шести лѣтъ мы такъ привыкли къ тебѣ, такъ сроднились съ тобою, — такъ благодарны за твое извѣстное всѣмъ добродушіе и теплое отношеніе къ намъ, слушавшимъ твое толковое, удобопонятное и живое объясненіе Св. Писанія, такъ привыкли съ радостію слушать твои рѣчи, что твоя преждевременная смерть всѣмъ намъ, какъ и твоимъ ближнимъ родственникамъ, принесла искреннюю печаль. Оставилъ ты, дорогой наставникъ, по себѣ въ насъ вѣчную память! Помня сло-

ва Апостола: *поминайте наставники; ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе* (Евр. 13, 7), помня эти священные слова, мы всегда будемъ хранить о тебѣ добрую память и въ молитвахъ поминать протоіерея Θεодора. Прости же насъ, дорогой нашъ наставникъ, въ чемъ мы виновны предъ тобою, прости, если когда невниманіемъ къ дѣлу причиняли тебѣ неудовольствіе, — прости, прости!.. Ты безмолвствуйшь... Впрочемъ ты и безмолвствуя говоришь, ты и во гробѣ насъ поучаешь... Господь сподобилъ тебя мирной христіанской кончины. Ты умеръ, исполнивши долгъ христіанскій при полномъ сознаніи, — *закрываетъ свои очи*, такъ же тихо умеръ, какъ и жилъ; ты какъ бы почилъ послѣ изнурительныхъ трудовъ. *Блаженни умирающіи о Господь, ей, говоритъ Духъ, да почиютъ отъ трудовъ своихъ!* (Апок. 14, 13), Такъ... Преждевременно почилъ ты, дорогой наставникъ нашъ! Богъ отозвалъ тебя изъ сего земнаго странствованія. Но по слову Божію — *праведникъ, если и рановременно умретъ, будетъ въ покой.* (Премудр. 4, 7)

И такъ если Богу угодно было отозвать тебя изъ сей плачевной юдоли земной, повидимому, преждевременно, то это значить, что ты исполнилъ свое предназначеніе, или какъ бы такъ сказать, созрѣлъ для жизни вѣчной. А великій Ап. Павелъ въ утѣшеніе насъ изрекъ нѣкогда великое слово: *Не скорбите, яко же прочіи, не имущіи упованія.* (1 Сол. 4, 13)

А ты дорогой нашъ наставникъ, умеръ какъ имѣющій упованіе. Прощай, незабвенный наставникъ нашъ! Боже праведный! Боже Спасителю нашъ! Прими духъ новопреставльшагося раба твоего прот. Θεодора въ свои пренебесныя обители съ этимъ предвозвѣщеннымъ Тобой въ Евангеліи, возжелѣннымъ привѣтомъ: *добрый и вѣрный рабъ! вниди въ радость Господа твоего!* (Мате. 25, 21).

Воспитаникъ VI кл. сем. А. Дьяковъ.